

ПРОДОЛЖЕНИЕ «МАКСИМА»

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

Сорок лет исполнилось «Максиму», а он все тот же молодой, неунывающий паренек с Нарвской заставы, что жил там с друзьями своими Андреем и Дёмой, что пел веселую свою песню про «шар голубой», что не думал, не гадал, как вся его прежняя жизнь однажды так вдруг резко сломается и начнутся тюрьмы, ссылки, холод жандармских застенков, многолетняя подпольная борьба.

«Юности Максима» — сорок. Но разве возраст искусства определяется годами? Нет, он не подвластен времени. А Максим и сегодня с молодежью, фильм этот смотрят миллионы юных зрителей, по нему постигают азы революционной истории, которая была суровой и драматичной, но никогда не была азбучной, книжной, а всегда была наполнена живыми человеческими страстями. Значит, Максиму не стареть, а всегда шагать рядом с временем — бодрим и полным сил, все таким же неунывающим и крепким, основательным парнем.

Выйди на экраны в январе 1935 года, «Максим» сразу стал в ряды бойцов — вслед за Чапаевым. В буржуазных странах его запрещали, не допускали, его боялись, как боялись «Броненосца «Потемкин»». Борис Петрович Чирков в своей книге «Про нас, актеров» вспоминает об одной своей встрече в Польше в 1939 году.

«В городе Белостоке сидела женщина с молодежавшим лицом сказала мне в фойе кинотеатра:

— А я давненько с вами знакома!.. И я, и мои товарищи по заключению... Мы сидели в Березе Карпукской, слышали о ней?

Я слышал об этой страшной тюрьме. Правительство буржуазной Польши бросало в нее самых активных революционеров, борцов за народную свободу...

— А знаете, кто много раз поддерживал наш дух, давал нам силы к сопротивлению?... Максим!.. Большевик Максим из фильма «Юность Максима». В трудные часы нашей жизни один наш товарищ, которому каким-то образом удалось посмотреть эту картину, запрещенную в прежней Польше, подробно рассказывал нам содержание этой повести о жизни молодого питерского рабочего. И мы полюбили этого паренка. Максим стал нашим другом... Мы брали пример с Максима, когда наши силы слабели...».

Вот такой эпизод, вернее, один из сотен эпизодов, когда герой сходил с экрана в жизнь, давал людям силы жить и надеяться, бороться и верить. Разве это не лучший пример животворной силы искусства?

Сегодня я думаю о том, какие же уроки дает нам «Юность Максима» в нашей современной практике, в наших спорах о назначении искусства, о том, каким ему быть сегодня, в наших поисках героя. Да, вот именно, прежде всего в поисках героя. Потому что Максим — это в высшей степени народный герой. Его рождение, его появление на экране было поворотным пунктом и творческой биографии режиссеров Г. Козинцева и Л. Трауберга, да и для всего советского кинематографа в целом. Потому что Максим возник из самой гущи народной, из поэзии рабочих окраин. Он был и мог стать только таким и никаким другим: то-

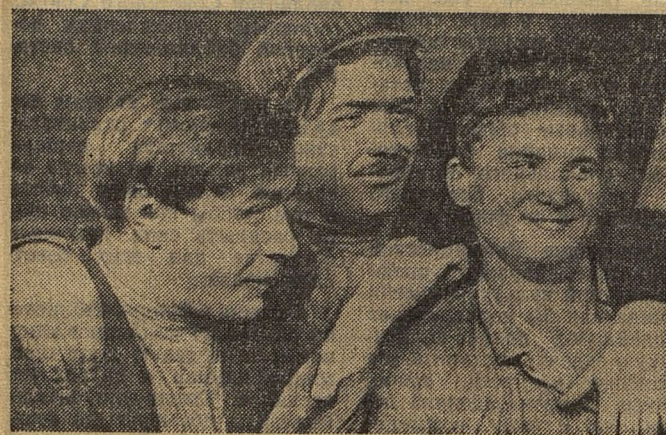

гда же и родилась в воображении создателей фильма его знаменитая песня, которую мы узнаем сегодня, как поэмы нашего кинематографа.

Правда, не сразу образ Максима принял именно те народные очертания, какие он обрел в окончательном своем варианте. И вот этот процесс работы над образом героя представляется мне и сегодня весьма поучительным для кинематографистов. Потому что речь идет о сущности героического — в чем она? Ведь мы и сегодня постоянно задумываемся над этим вопросом. В чем она — в поступках, в необыкновенных деяниях или же она в суровой повседневности, которая каждый день, ежедневно требует от человека мужества, упорства и бескомпромиссности?

Ведь и герой будущего фильма поначалу рисовался Козинцеву и Траубергу этаким романтическим подпольщиком, меняющим адреса, лихо несущимся на извозчике, возникающим перед зрителем в самых неожиданных обличьях и так далее.

И только после долгих раздумий и борьбы с самим собой Максим спускался на землю, обретал реальный жизненный образ и реальную фактуру, теряя романтические атрибуты придуманного героя. Так возникла суровая проза подполья. Как вспоминал позднее Козинцев, лейтмотивом для них стала ленинская фраза: «Мы

идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки».

Почему же именно этот процесс работы над характером героя представляется мне сегодня столь актуальным? Да потому, что мы подчас тоже весьма ограниченно и односторонне видим суть героического в нашей жизни. Не оттого ли столь расплодилось на нашем экране так много фильмов, герои которых похожи друг на друга, как куклы-матрешки, которые вкладываются одна в другую?

Но дело даже не в этом, это, в сущности, частность.

«Юность Максима» учит нас видеть героическое в повседневности, в прозе жизни, и здесь, пожалуй, один из ее главных заветов.

Максим стал поистине народным героем в искусстве. Его жизнь не представлялась зрителю чем-то исключительным, он был вровень с ним, и это очень важно. Как сделать так, чтобы характер, который мы создаем, был узнаваемым, близким, привычным, при этом не опускался до обыденности? Как соединить поэзию с прозой, а романтику — с самой обычной жизнью, которой живут миллионы людей? Все

это вопросы вопросов, но какие-то и очень существенные ответы здесь дает все тот же Максим.

Народный герой... Когда я играл Нагульнова в экранизации «Поднятой целины», я тоже немало размышлял о сути народности. В чем она? Как при этом сделать так, чтобы в тебя поверили? Эти же мысли волновали меня, когда я работал над образом Захара Дерюгина в экранизации «Судьбы» П. Проскурина — фильме «Любовь земная».

...Я думаю, что эпоха Максима никогда не кончится. Где он теперь? Он может быть и на промыслах Самогора, и на гигантском плацдарме БАМа, и на строительстве Токтогульской ГЭС — всюду, где требуются горячее сердце, совесть коммуниста, светлый ум и доброта, обыкновенная человеческая доброта.

Когда-то он пел: «Крутит-ся, вертится шар голубой...» Вот так и ныне шагает по нашей голубой планете большевик Максим.

● Кадры из фильмов «Юность Максима» и «Возвращение Максима».

юбилей ● К 40-летию выхода
на экран кинофильма «Юность
Максима»